

Тьма окутывала, дарила безмятежность в своей пустоте. Она одновременно двигалась и пребывала в покое. словно ты плывёшь на спине по реке, но при этом остаёшься на месте. Непонятно, странно, но так умиротворяюще. Су Яо нравилось здесь. Тьма была знакомой и родной, она не приносила счастья, но и не причиняла боли. Идеальное спокойное ничто. Оно приносило умиротворение, взамен забирая воспоминания, даря лёгкость и освобождение от всех земных проблем и волнений.

Су Яо плыл в этой чёрной пустоте, как почувствовал, что его тело сдавили, забрав свободу движений. Неприятно. Противно, что кто-то посмел распоряжаться его телом против воли. Тьма стала светлеть, рассеиваться. Постепенно сквозь неё начинали пробиваться звуки и запахи. Су Яо слышал шорох многослойных одежд, лёгкие шаги и взволнованный шёпот, слов в котором разобрать не мог. Он чувствовал аромат благовоний, цветков персика и ненавязчивой карамели, что не так давно побывала в его волосах. А ещё Су Яо ощущал чёртовы верёвки на своём теле. Это раздражало!

Веки Су Яо резко распахнулись. Сам глава пика Чёрных Лотосов хотел подорваться из положения лёжа в сидячую позу, но его попытка не увенчалась успехом. Затылок протестующе занял, а верёвки на теле довольно сильно ограничивали движения. Камнем свалившись обратно на спину, Яо смог только судорожно вздохнуть от вновь прострелившей болью головы. Сбоку послышался невнятный крик. Хотя, возможно, он был как раз таки внятным, но звон в ушах, усилившийся от громкого звука, очень мешал распознаванию слов. Голова болела так, что Су Яо готов был умереть во второй раз. Желательно, побыстрее. И без лишних звуков, пожалуйста.

Глава пика Чёрных Лотосов почувствовал, как его подхватили под многострадальный затылок, приподнимая, и прислонили к губам чашу. Еле разомкнув сомкнувшиеся при падении веки, Су Яо смутно разглядел цветные пятна и силуэты. Кажется, кто-то из духов-слуг пытался чем-то напоить его. Решив, что хуже уже не будет, Яо закрыл режущие от сухости глаза и покорно стал пить нечто, щекотавшее нос приятным слабым лекарственным запахом. На вкус снадобье оказалось тоже неплохим. Чуть горчащим, правда, но приемлемым. Всяко лучше той бурды, которую наносили на ожог. Хорошо, что её хоть пить не пришлось. Кстати, об ожоге. Он, наверное, уже полностью пропал с безупречной фарфоровой кожи главы пика. Да, если при переодевании в девушку был замечен только розоватый след, то к этому времени и он должен уже пропасть.

Голову Су Яо осторожно уложили обратно. Спустя, примерно, палочку благовоний, насколько могло судить внутреннее ощущение времени Яо, головная боль стала отступать. Умереть хотелось уже не так сильно. Но верёвки всё ещё раздражали. Когда боль полностью пропала, Су Яо рискнул медленно открыть глаза. В них словно песок насыпали. Неприятно, конечно, но терпимо. Проморгавшись, чтобы картинка перед глазами перестала быть такой размытой, а заодно снялась боль с глаз, которые теперь получили достаточное увлажнение, Су Яо огляделся, насколько позволяла поза. Комната являлась явно не покоями главы пика. А судя по ощущениям, под головой была не мягкая, а вполне себе твёрдая подушка. Су Яо мысленно проклял китайскую культуру из-за её любви ко всему жёсткому, что стала причиной дополнительных страданий несчастной головешки Яо. Сбоку стоял Ланхуа, смотря пристально и ожидающе. Кажется, это он дал отвар, снявший боль. И наконец Су Яо опустил взгляд вниз. Всё его тело опутывали тонкие, но многочисленные, а также, судя по всему, очень крепкие золотистые нити. На материальный объект эти верёвки не походили. Их сплошная, чуть

светящаяся консистенция больше вызывала ассоциацию с энергией, нежели обычными нитями. Да и свойства намекали на это. Может быть, это то легендарное вервие бессмертных, упоминание которого так часто встречается в новеллах о заклинателях? Но сейчас не это волновало Су Яо.

— Какого чёрта я связана? — воскликнул он.

— Связан, господин, связан. Вы мужчина, не забывайте, — педантично подметил Ланхуа, за что получил в ответ озлобленный взгляд.

— Ладно, хорошо, я помню. Больше не забываюсь, — спокойно с нотками сарказма признал ошибку Су Яо. — Какого чёрта я связан? — исправился он, повысив голос по сравнению с предыдущей фразой.

— Вы вели себя неподобающе главе пика, — лаконично ответил Ланхуа.

— Я всегда так себя веду, — передразнил Су Яо. — Давай что-нибудь поубедительнее.

— То, что Вы набросились на главу другого пика с обвинениями, как только он Вас привёл в чувства, считается более убедительным? — из ниоткуда возник Хуан, саркастично ответив вместо брата.

— Почему я этого не помню? — задумчиво нахмурился глава пика Чёрных Лотосов.

— Ударились, верно, сильно, — спокойно подметил Ланхуа, подойдя ближе и начиная разматывать бинты на голове господина.

— Тогда мне нужны подробности моих свершений, — подытожил Су Яо.

— О-о-о, в таком случае я с радостью просвещу Вас, господин, — взял инициативу Хуан, пока его брат возился с раной от падения на голове хозяина этого пика. — По доброте душевной глава пика Сражающихся Цветов во время Вашей слабости не перерезал Вам горло мечом, а даже милостиво привёл в сознание. Наверняка он успел не раз пожалеть об этом после, — от шока и беспокойства за господина у Хуана развязался язык, а страх не просто ушёл в глубины подсознания, он полностью рассеялся. — Стоило Вам очнуться, Вы стали нести несвязный бред о том, что господин Чан Юйши пытался отомстить и чуть ли не убить Вас. Аргументы приводили такие, что сам глава пика Сражающихся Цветов стал сомневаться в своих чистых помыслах. Потом Вы схватились за меч, предлагая благородный поединок чести, чтобы разрешить этот конфликт. Когда господин Чан отказался, плеснули в него чаем, приговаривая, что это поможет изгнать злого духа из его мыслей.

"Женщиной быть перестала, а истеричкой нет", — пытался не рассмеяться Су Яо.

Ланхуа взял из рук брата мазь, собственно из-за которой тот и пришёл, став наносить её на пострадавший затылок господина. Это предоставило Хуану возможность красочно жестиковать по ходу повествования.

— После Вы сказали главе пика Сражающихся Цветов, что тот обидел женщину, достали из подпространства рукава веер и щёлкнули им по носу хозяина чужого пика... Захихикали и побежали от него вскачь, — Су Яо пытался дышать ровнее, боясь задохнуться от трудно сдерживаемого смеха. — Правда убежали недалеко, врезавшись в стену, — Яо почувствовал, как его щёки стали горячее, что говорило о появлении румяна. — Резво подскочив, Вы снова стали приговаривать о мировом заговоре и неуклюжих попытках мести. Попутно размахивая тешань, что до этого достали. Увидев, что ситуация стремительно выходит из-под контроля, господин Чан связал Вас первым, что попало под руку. Своим длинным поясом, что представлял собой длинную в два пальца шириной полосу алой ткани, намотанной много раз на талию. Конечно же, Вы его быстро порвали. После пришло время заклинаний, которые не возымели успеха, поскольку Вы их просто замораживали и разламывали, — повествовал Хуан о приключениях своего господина.

"Уверен, что этот златоглазик стал считать меня поехавшим немного. Да что уж там, я и сам стал себя им считать", — в мыслях философски подметил Су Яо, всё больше краснея от еле сдерживаемого смеха.

— После подросли мы, — вмешался Ланхуа. — У нас было вервие бессмертных, которым мы Вас и связали, после погрузив в сон с помощью моих техник разума, — постоянно отвлекаясь, Яо и не заметил, как Ланхуа почти закончил заново наматывать бинт на его голову.

— Господин, Вы так покраснели... — видя на месте обычного бледного лица Су Яо «помидорку», Хуан даже немного забеспокоился. — Вам стыдно?

— Нет, я пытаюсь не смеяться, — последние буквы потонули в смехе, который Яо всё же не смог сдержать.

Хохотал глава пика Чёрных Лотосов долго, дёргаясь, как при конвульсиях. В какой-то момент он скатился с кровати, упав и продолжив извиваться, как гусеница. Слуги одновременно хотели и удержать его на месте, чтобы господин вновь не ударился об что-нибудь, и не рисковали подходить, а то мало ли... В итоге, когда спустя довольно продолжительное время Су Яо перестал смеяться, а теперь просто лежал, пытаясь восстановить дыхание, позволив лисам подойти ближе, схватить и освободить господина, разрезав вервие своими заклинательскими мечами.

— И всё таки, почему я вёл себя настолько неадекватно? — тяжело дыша, прерываясь, спросил Су Яо. — У этого же есть причина? Я, конечно, странный, но не настолько же. Или настолько? — уже стал сомневаться Яо.

— Нет, конечно, господин, — отозвался Ланхуа. — Мы думаем, что это последствие аллергии и удара головой.

— Аллергия? — переспросил Су Яо.

— Да, — отдав всю инициативу разговора в руки брата, Хуан взял использованные бинты и вышел из комнаты. — Глава пика Сражающихся Цветов любит особый чай, в состав которого входит редкая трава с небольшими целебными свойствами. Чешуя дракона — это название травы. И у Вас сильная, не до смерти, конечно, аллергия на этот ингредиент. Цзы, желая угодить гостю, приготовил этот редкий чай, но перепутал чашки для Вас и главы пика Сражающихся Цветов. Удар головой только усугубил ситуацию.

"Впервые слышу об аллергии, которая вызывает помутнение рассудка. Но, впрочем, это и не мой мир, и работает он по другому", — подумал Су Яо, чувствуя определённый интерес исследователя.

— А где, к слову, сам Цзы? — спросил Су Яо.

— Отбывает наказание, сидя на коленях у Стены Просветления и читая Божественные Заповеди, — вместо Ланхуа ответил вошедший в комнату Хуан.

— Показывайте, — кивнул хозяин пика Чёрных Лотосов.

Хуан поджал губы, подавляя в себе желание выразить протест. Вся прежняя смелость куда-то испарилась. Су Яо это напомнило собственное детство из прошлой жизни, когда, будучи не по годам умным, сообразительным, проницательным, но невероятно эгоистичным ребёнком, он был вынужден молчать и покорно следовать словам родителей, ведь они мудрее неразумного дитя. По крайней мере, должны были быть. По словам всё тех же «безгранично мудрых» взрослых. Су Яо искренне ненавидел этот аспект своего прошлого. Если бы не он, может быть... (Мара стала бы одним из великих умов современности,двигающим науку вперёд, а не погрузилась во тьму мира с головой, делая подпольные операции и фальсифицируя чужие смерти.) Впрочем, не важно. Всё это уже не имело значения. Мара умерла. И её прошлое пора бы уже похоронить рядышком, перевоплотившись в нового Су Яо. Но это так сложно. Так... больно. Отвратительная человеческая слабость. Но потому Мара была человеком. Не Дьяволом. Не Богом. Обычным человеком, притворяющимся сильным. Лжецом она была.

Лисы привели своего господина к Цзы. Последний стоял на коленях перед стеной и что-то бормотал. Под ногами Су Яо была галька. Он поморщился, представив, как «приятно» сидеть на коленях на мелких камнях. Скорее всего, это место являлось специально созданным для наказаний. Су Яо подошёл ближе, наклонился и положил руку на плечо Цзы. Тот дёрнулся, подпрыгнул и резко повернулся, из-за чего ударился спиной об стену. Увидев своего господина, Цзы стал беспрестанно извиняться.

— Прекрати, — грубо оборвал его Су Яо.

— Но... — от Цзы последовал слабый протест, в уголках его покрасневших глаз собрались слёзы, делая его лицо совсем детским.

— Я не говорю, что в произошедшем нет твоей вины, — продолжил Яо, не обратив внимания на чужую попытку протеста. — Она есть. Но ты сделал это ненамеренно. И уже достаточно душевно истязал себя за это.

— Но...

— Достаточно. Словом главы пика Чёрных Лотосов, твоего господина, я признаю твоё наказание завершённым, — властно, словно сам император, произнёс Су Яо.

Цзы повиновался, поднявшись на ноги. Но весь его вид так и говорил о вине и несчастье. Сердце Яо смягчилось от такой картины.

— Ладно, если считаешь своё наказание недостаточным, — обычным тоном произнёс глава пика, — я назначу другое. Твоё наказание будет заключается в помощи мне обучиться рассеивать «вечный лёд».

Цзы сначала ступешался, не поняв, а после его глаза загорелись мотивацией. По спине Су Яо пробежался холодок. И не зря. Физическую тренировку ему строго настрого запретили, ссылаясь на ушибленный затылок, но это не мешало получать теоретические знания и медитировать. До конца дня Су Яо узнал всё что только возможно о видах и особенностях энергии ци, обучился чувствовать и частично управлять природной ци, смешивая её со своей, улучшил контроль льда. К ночи ближе он едва повторно не расшиб голову, так как ноги от длительной медитации затекли и не держали. Но не он один падал в этот день. В процессе экспериментов Су Яо смог создать лёд, по которому беспрепятственно ходить умел только он сам. Ему приносило почти физическое удовольствие созерцание падений лисов. Особенно Хуана, что до этого не раз припомнил его феноменальную неудачливость. А потом Цзы вспомнил, что завтра их господин отправляется в путешествие. Оказывается, третий день уже почти закончился, а вещи в дорогу не собраны, инструктаж не проведён. Сборы были настоящим наказанием. Хорошо хоть заклинателям с их пространственными безделушками не нужны чемоданы. Но от грустных мордочек лисьих духов, не желающих расставаться с господином, ничего не упасло. И от длительных инструкций, в пункты которых входили даже такие невероятные ситуации, как способы отбиться от Бога Войны, превратившегося в лягушку-мутанта и не способного выбраться из облика. Но вот инструктаж по уходу за волосами был и вправду полезен. Когда же веки сомкнулись, погружая в темноту, Су Яо не знал, смог ли он в беспамятстве доползти до кровати, или же упал в обморок прямо там, где стоял. Впрочем, не важно, всё равно в любом случае он оказался бы в своей мягкой постельке. Вопрос только в том, пришлось ли лисьям вновь тащить его до постели. Но не важно, главное, что этот бесконечно длинный день наконец завершился.

Прим. автора: Выложила главу раньше девяти вечера. Сама в шоке. А теперь интересующий меня вопрос к вам, дорогие читатели. Это, фактически, последняя глава с лисьями перед их долгим отсутствием. И вот. Смогла ли я сделать их хорошими персонажами? Интересными? Приятными? Какие чувства вызывает появление лисят в главах? Оно вам нравится? Может, что мне не хотелось бы, раздражает? Может быть, кто-то из лисят особенно вам приглянулся? Мне

правда интересно, ведь неожиданно, должны быть шаблонными, персонажи стали мне почти детьми родными. Ребятишки мои□.

<http://tl.rulate.ru/book/29525/697889>